

Амфитеатров
Александр Валентинович

ЗАЧАРОВАННАЯ СТЕПЬ

БАБЫ И ДАМЫ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А63

Амфитеатров, А. В.

А63 Зачарованная степь. Бабы и дамы / А. В. Амфитеатров. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 182 с.

ISBN 978-5-521-78849-1

Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) – известный журналист и писатель своего времени, его прозу можно с уверенностью отнести к литературе исконно русской и талантливой.

Захватывающая повесть «Зачарованная степь» была впервые опубликована за границей и рассказывает о жизни в ссыльной колонии.

В книгу также включены увлекательные новеллы о междусословных парах из известного цикла «Бабы и дамы».

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ:

Отъ автора	7
Зачарованная степь	9
Бабы и дамы :	
Притча царя Соломона .	97
Рюи Блазь	124
Было, есть и будетъ	147
Княжнецовы .	169

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ЗАЧАРОВАННАЯ СТЕПЬ

Отъ автора.

Повѣсть „Зачарованная степь“, дающая заглавіе этой книжкѣ, написана въ 1918 году. Въ основу ея легъ разсказъ одного весьма извѣстнаго революціонера недавнихъ временъ о дѣйствительномъ происшествіи въ ихъ ссыльной колоніи. Я только перенесъ дѣйствіе съ сѣвера Сибири на югъ, такъ какъ сѣверная Сибирь мнѣ незнакома, а Минусинскія степи я имѣлъ удовольствіе познать лично. Писать же природу и быть, которыхъ я не видалъ, я не умѣю.

„Зачарованная степь“ еще не была въ печати. Я лишь нѣсколько разъ читалъ ее въ Петроградѣ публично, что нынѣ замѣняетъ этому угрюмому городу печать. Съ грѣхомъ пополамъ замѣняетъ — и даже съ большимъ . . . смертнымъ грѣхомъ!

Первая серія разсказовъ цикла „Бабы и дамы“ знакома моимъ постояннымъ читателямъ по нѣсколькимъ изданіямъ прошлаго десятилѣтія. Четыре разсказа второй серіи, включенные въ эту книжку, также возникли изъ анкеты, произведенной мною лѣтъ двадцать тому назадъ на тему о „междусословныхъ парахъ“. Они еще не входили ни въ одинъ изъ прежнихъ моихъ сборниковъ.

Александръ Амфитеатровъ.

1921. VI. 15.

Петроградъ.

Зачарованная степь

Дѣло было въ 1917 году, лѣтомъ. Февральская революція успѣла уже отойти въ область преданій. Временное правительство доживало свой короткій чахлый вѣкъ и дышало на ладанъ. Настроеніе въ Петроградѣ было напряженное, свирѣпое. Революція раскаивалась въ своей первоначальной безкровности — и „боги жаждали“: надъ городомъ повисли тучи, чреватые краснымъ дождемъ. Множились митинги на углахъ улицъ, и ораторы ихъ походили на живыя скорострѣльные ружья, которыя, покуда что, зловѣще палятъ на воздухъ, но не сегодня, такъ завтра найдутъ себѣ другую мишень — страшную, брызжущую кровью и мозгомъ человѣческими. По ночамъ небо пятналось заревомъ пожаровъ, а въ открытыя окна долеталъ сухой трескъ далекихъ за-невскихъ залповъ, знаменуя, что одурѣлые отъ праздности и своевольства люди обрѣли гдѣ то чей то винный погребъ и ломаются въ него; а другіе люди стрѣляютъ въ нихъ изъ винтовокъ, чтобы, убивъ нѣсколькихъ, помѣшать остальнымъ перепиться до смерти или, пьяными до потери сознанія, утонуть въ выпущенномъ изъ бочекъ винѣ и пивѣ.

Въ одинъ изъ такихъ пріятныхъ лѣтнихъ вечеровъ собрались у меня, на Петроградской сторонѣ, старые товарищи, бывшіе ссыльные, недавніе поворотники изъ

сибирскихъ медвѣжьихъ угловъ. Много новыхъ мыслей, чувствъ и рассказовъ привезли они съ собою. Народъ, въ большинствѣ, очень хорошій и, что удивительно, нисколько не озлобленный. Напротивъ, въ тѣ тяжелые дни у нихъ приходилось занимать кротости и снисходительности къ тому, что происходило предъ глазами нашими.

Разговоры шли невеселые.

Кровь, измѣна, провокація, избіенія, уличныя драки, чудовищные самосуды, повсемѣстное торжество кулачно-захватнаго права жутко! Такъ поглядѣлъ, такъ повернулъ, — нѣтъ тебѣ ни просвѣта, ни вздоха: помираетъ культура, — и все тутъ! Заѣдаетъ ее звѣроподобіе человѣческое, — и шабашъ. Такъ вотъ этими самыми словами и говорили — отпѣвали:

— Помираетъ культура!

Ну, и, слѣдовательно, — восплачемъ, братіе!

А одинъ сибирячекъ, пожилыхъ уже лѣтъ, солидный и почтенной извѣстности мужчина, съ каторжнымъ и поселеннымъ прошлымъ, вдругъ, встрялъ на перерѣзъ:

— Да стоитъ ли плакать то?

— Что—о—о?

— Можетъ быть, ей естественное и положенное время пришло помирать — культурѣ то нашей? Со-старилась она очень? а?

— Ну, батюшка, вы какую то толстовскую гиль несете. Не вы бы намъ говорили, не мы бы васъ слушали. Додумался, на Енисеѣ то сидя: культуру зачеркнулъ!

— Да, нѣтъ, товарищи и граждане, я то лично культуру не зачеркиваю и не отрицаю. А, что касается Енисея, то, наоборотъ, тамъ-то именно я и научился любить культуру и высоко цѣнить всѣ культурныя блага, потому что стосковался по нимъ неистово. Чего ужъ тамъ! Какъ сѣлъ на прямой сибирскій поѣздъ,